
Якутское региональное отделение
Российского гуманистического общества

ЯКУТСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (6)

ЯКУТСК

2020

ЯКУТСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ №1 (6)

Научный журнал

Выходит с 2019 года

ISSN 2307-5929

Редакционная коллегия:

В.П. Старостин, канд. филос. наук, проф. РАЕ (гл. редактор),

П.Н. Жондоров, канд. филос. наук, доцент (зам. гл. редактора),

В.В. Михайлова, кандидат филос. наук, доцент,

А.Г. Пудов, кандидат филос. наук, доцент

Учредитель: Якутское региональное отделение
Российского гуманистического общества.

Зав. редакцией – *З.С. Васильева*

Адрес редакции:

677007 г. Якутск, 3 км. Сергеляхского шоссе 3/1, кабинет 2.307-1

Телефон: (4112) 71-22-04

© Редакция «Якутский философский журнал», 2020

В НОМЕРЕ:

<i>В.В. Михайлова, П.Н. Жондоров.</i> Универсалии культуры «пространство» и «время»	4
<i>В.П. Старостин.</i> Конфуций и античная философия	11
<i>А.Г. Пудов.</i> Превращение классической рационализации в искусствоведческий термин «классическое»	15
<i>Н.К. Лотова.</i> Роль и место мотивации в деятельности студента	22
<i>Н.Н. Равочкин, Н.С. Корабельников.</i> Роль методологических программ эмпиризма и рационализма в процессах обновления политико-правовых институтов	28
<i>Аннотации</i>	40
<i>Об авторах</i>	46

TABLE OF CONTENTS:

<i>V.V. Mikhailova, P.N. Zhondorov.</i> Universalialia of culture "space" and "time"	4
<i>V.P. Starostin.</i> Confucius and ancient philosophy	11
<i>A.G. Pudov.</i> Turning classical rationalization into art criticism term "classical"	15
<i>N.K. Lotova.</i> Role and place of motivation in student activity	22
<i>N. N. Ravochkin, N.S. Koravelnikov.</i> The role of methodological programmes of empirical rationalism in the renewal of political and legal institutions	28
<i>Summaries</i>	40
<i>About authors</i>	46

В.В. Михайлова, П.Н. Жондоров

УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ»

Если «универсалия» означает всеобщее понятие, то «универсалии культуры» – это предельные основания культуры, существующие в любых обществах во все времена. Эпистемологическое значение вопроса об универсалиях имеет известные метафизические корни. В спорах прошлого, начиная с Платона, философы попытались обосновать саму возможность существования чего-то неизменного, устойчивого во времени. Так и вопрос об универсалиях уходит своими корнями в учение Платона об идеях. За два с половиной тысячелетия сложилось множество интерпретаций платоновских идей. В фундаментальном труде отечественного философа А.Ф. Лосева «История античной эстетики» выделяется девять моментов платоновской идеи, которые характеризуют универсалии как предельные основания культуры: «Платоновская идея есть *логическое понятие*, содержащее в себе *предельно обобщенное; принцип и метод, порождающую модель*, или, вообще говоря, причину осмысления каждой вещи; обладающее *структурой*, структурой *художественной*, а потому и насыщенной глубоким жизненным содержанием и образующей собою специфическую субстанциональную действительность и ее цель вместе с ее *жизненно-функционирующим самосознанием* и потому превращенную в *миф* как особого рода *субстанциональную действительность*» [1].

Такие идеи-категории как «бытие», «время», «пространство», «отношение», «количество», «качество», «мера», «причинность», «необходимость» и подобные понятия составляют общий каркас любой человеческой культуры, который впослед-

ствии наполняется собственным идейным содержанием и структурным порядком. Общая идея культуры как порождающая модель воплощается во множестве конкретных типов культур. В свою очередь исследователи (антропологи, историки, культурологи, этнографы) для описания конкретных культур используют принцип и метод платоновских идей, поскольку часто применяют дедуктивный метод, идущий от общего к частному.

Культурная модель существует, пока не исчерпает всего заложенного в ней жизненного источника идей. Как только исчерпывается источник, в недрах его рождается новая модель, способная дать миру множество частных типов этой модели.

Как видим, вопрос об универсалиях культуры имеет далеко идущие исторические корни. Тесная взаимосвязь универсального и отдельно существующего обособленного несомненна. Рассуждая об единых элементах культуры, таких как язык, труд, запрет, религия, австралийский философ и культуролог Дж. Пассмор [2], приводит пример универсальных вопросов, на которые рассчитывает получить ответ антрополог: «На каком языке тут говорят?», «Как готовят пищу?», «Кто заботится о детях?» и т.д. Эти вопросы являются универсальными, поскольку ответы на них антрополог получает в различных конкретных обществах. И действительно везде люди говорят на каком-то языке, готовят пищу и воспитывают детей.

Универсалии культуры аккумулируют весь исторически накопленный опыт, в системе культурных универсалий человек осмысливает, переживает окружающий мир, т.е. культурные универсалии могут рассматриваться как глубинные программы социальной жизни. В истории философии в качестве таких универсалий, служащих основанием для философского осмысления культуры, рассматривались: общезначимые ценности (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Трёльч); символополагающая деятель-

ность, символические формы (Э. Кассирер), представления о психобиологическом единстве человечества (К.Г. Юнг).

Выдающийся философ нашего времени В.С. Степин обобщил все ранее изученное в теориях и подходах о культуре и создал многомерную «картину культуры» в динамике ее исторического развития. Он выделяет два больших взаимосвязанных блока универсалий культуры. К первому блоку относятся «категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность» [3]. Он называет их базисными структурами человеческого сознания. Атрибутивные характеристики объектов фиксируются в таких категориях, как, например, «пространство», «время», «движение», «вещь», «свойство», «количество», «качество», «мера» и т.д. Ко второму блоку относятся категории, «посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни» [3, с. 63]. Атрибутивные характеристики человека как субъекта деятельности раскрывают такие категории как «человек», «общество», «личность», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «совесть» и др.

Основатель интерпретативной антропологии К. Гирц утверждал: «Стать человеком – значит обрести индивидуальность, и мы обретаем эту индивидуальность, руководствуясь культурными моделями, исторически сложившимися системами значений, с точки зрения, которых мы придаем форму, порядок, смысл и направление нашей жизни» [4]. В каждой культуре устойчиво сохраняется языковая, бытовая, образно-идейная специфика этноса, тесно связанная с его хозяйственно-культурным типом. Первичные и наиболее общие параметры, в которых люди осмысливают упорядоченность своего хозяй-

ственно-культурного мира – это «пространство» и «время». От их порядка зависит смысл жизненных событий, отношения к самому себе и другим. Пространство культуры – это характеристика принятого в ней порядка, а время – порядок чередования событий, характерный для этого пространства.

В качестве примера рассмотрим представленность универсалий «пространство» и «время» в культуре народа саха (само-название якутов). Смыслы универсалий «пространство» и «время» вплетены в мифологическую, философскую, художественную и обыденную картины мира. Однако, среди них мифологическая картина мира составляет первоначальную основу разрешения мировоззренческих вопросов и ценностных ориентаций народа.

Мифологическая картина мира саха наиболее полно представлена в героическом эпосе олонхо. Олонхо как форма духовной культуры синкретично содержит зачаточные элементы искусства, верования, философии, обыденных представлений народа саха. В лоне олонхо сформировались истоки якутской поэзии, литературы, музыки, театрального искусства, архитектуры жизненного пространства народа.

Одной из первых работ, посвященных философскому исследованию народной мудрости саха, было произведение Д.С. Макарова «Народная мудрость: знания и представления» (1983 г.). Автор любопытно изображает представление народа саха о структуре пространства: «в Мире два основных вертикальных направления и восемь (четыре основных и четыре второстепенных) горизонтальных направлений, которые определяют его пространственную структуру» [5]. Часто в произведениях устного народного творчества встречаются упоминания о восьмигранных камельках, сэргэ (коновязи), восьмистенном жилище. Даже человека, совершающего добрые дела, как упоминает Д.С.

Макаров, в народе считали «Человеком трехострым и восьмигранным». Семантический смысл восьмигранника символизирует множественность мира и многогранность самого человека.

Другой автор, Н.К. Данилова, исследуя образ якутского жилища, рассматривает основные пространственные представления в традиционной культуре народа саха. Она выделяет следующие категории пространственной сферы, связанные с организацией жизненного пространства, где Орто дойду (Средний мир)/алаас (як. таежная поляна термокарстового происхождения) выступает как обжитое, хозяйственно «освоенное пространство»; тизэргэн (двор) – «одомашненное пространство» семейного коллектива; дьиэ, балаган (дом/жилище) «очеловеченное пространство» – максимально освоенное пространство» [6]. Для якутской культуры характерно концентрическое освоение мира. По мнению автора, «Освоенное пространство состояло из многих концентрических кругов/сфер, вписанных друг в друга, представляющих собой своего рода мифологически-пространственную «матрешку» [6, с. 13]. Освоенное пространство рассматривается как «родная земля», где человек сливается с природным ландшафтом этой земли, становится ее частью. Поэтому обычно при разговоре выясняют, откуда, с каких мест будет тот или иной человек. Тождественность человека с определенной местностью закрепилась в народных пословицах: «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» (Всякая страна имеет славу, каждая поляна – название), «Аан дойду ахтылбанныах, бар дьон санабыллаах» (Изначальная отчизна притягательна, сородичи памятны), «Биһикпин ыйаабыт сирим» (Мила та сторона, где пупок резан) и др.

Мировоззренческая сущность универсалии «время» выражается не только абстрактной чистой длительностью, но и всей хозяйственно-культурной жизнедеятельностью этноса, напол-

няющей чистую длительность времени смысловой последовательностью.

В традиционной культуре время регулировалось природными ритмами. Человек и его культура полностью подчиняются природной необходимости, воспринимая события и их последовательность как заданных изначально, не зависящих от человеческой воли.

Платон называет время «порядком движения». Движение небесных тел, последовательность смены времен года имеют заданный природой ритм. Этому ритму от начала до конца подчиняется вся жизнь человека. На Севере природный ритм задается по-иному, чем в других областях Земли. Долгая зима – короткое лето, длинная ночь зимой – длинный день летом – все это создает особое восприятие времени у северных народов, в том числе и саха. И.З. Борисова сопоставляя время в якутской и французской культуре, приходит к выводу, что «особое отношение ко времени у якутов, которое проявляется внешне небрежным отношением ко времени (опоздание, долгое раскачивание перед началом какого-то дела, толерантное отношение к непунктуальности) объясняется традиционным укладом жизни, обусловленным климатическими и географическими условиями, циклическим представлением о времени, которое представляется как цепь повторяемых и однотипных явлений» [7]. В характерном для традиционной культуры представлении о времени как ритмичном круговом движении и вечном возвращении не содержалась идея развития. Движение во времени воспринималось в элейском духе – «движение есть сумма покоев». Движения как направленного изменения – развития, в циклическом представлении о времени не было. В этом случае не изменение, а повторение является определяющим моментом сознания и по-

ведения человека, воспринимающего время как цикл вечного возвращения.

Пространство и время, являющиеся определяющими в становлении, самоопределении человека, могут рассматриваться как точки пресечения универсалий культуры с феноменом этнической идентичности. Универсалии культуры лежат в основе сознания и самосознания людей, составляя каркас всего огромного и сложного искусственного, рукотворного мира, в котором в симбиозе и конфликте с природой проходит жизнь людей.

Литература:

- [1] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон./ Худож.-оформитель Б.Ф.Бублик. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. С.187.
- [2] Пассмор Дж. Культурные универсалии// Философские науки. 1990. №1. С.110-113.
- [3] Степин В.В. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С.62.
- [4] Гириц К. Интерпретации культур. С.65.
- [5] Макаров Д.С. Избранные труды/ Д.С.Макаров; [Сост. Васильева-Макарова и др.; отв. ред. Д.филос.н., проф., акад. АН РС(Я) Е.М. Махаров]. – Дьокууской: Сайдам, 2009. С.29
- [6] Данилова Н.К. Якутское традиционное жилище: пространственные и ритуальные измерения./Автореф.дисс. на соиск. к.и.н. Томск, 2010.С.16.
- [7] Борисова И.З. Этнический характер и время//Гуманитарный вектор. 2012.№3(31). С.179.

В.П. Старостин

КОНФУЦИЙ И АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Интерес к восточной философской мысли в Европе возник в период становления науки в эпоху Нового Времени. Этот интерес возник как в связи с ростом интереса к иностранной философии и увеличением информации об различных философских школах, так и с кризисом европейской средневековой идеологии и некоторым разочарованием итогами Возрождения и Просвещения. Уже тогда зафиксировалось в истории латинизированное имя Кун-цзы.

Сам же великий китайский мудрец родился в 551 году до н.э. в небольшом царстве Лу, в небогатой аристократической семье. Его отец – обедневший вельможа Шулян Хэ в 63 года женился на семнадцатилетней девушке, которая и родила от этого «варварского брака» малыша Цю по прозвищу Чжун-ни. Это и был будущий Конфуций.

Период, в который жил великий мыслитель, по терминологии, введенной Карлом Ясперсом, получило определение как «осевое время». Именно в эту эпоху в разных странах и континентах появились такие гиганты моральной философии как Сократ, Платон, Будда, Конфуций. Происходило, как сейчас бы сказали, прорывное развитие в духовной культуре, которое в основном и определило дальнейшее развитие философии и в Европе, и в Азии.

Из-за ранней смерти престарелого отца и натянутых отношений между матерью Цю и старшими женами Шулян Хэ, а также отъезда матери в родную провинцию Цюйфу, откуда она вернулась, Конфуция принято считать сиротой, которому приходилось самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни. Тема

сиротства – это отдельная этическая проблематика, ведь оставшийся одиноким ребенок воспринимался как «дитя всего человечества», поэтому и образ Конфуция во-многом формировался изначально как особого ребенка и человека, заранее отмеченного своей судьбой.

Кстати по поводу образа Кун-цзы: его обычно в европейской культуре принято изображать как сгорбленного маленького мудреца, хотя история говорит обратное: его рост был выше среднего не только по китайским, также и по европейским меркам и составлял 1 м. 91 см. Он был довольно развит физически.

Конфуций начинает свою философскую деятельность, когда уже повсеместно в Китае была распространена система даосизма и до победы легизма будет одним из многих направлений в Китае в период «Ста школ». И лишь после падения империи Цинь достигнет своего наивысшего расцвета – достигнув уровня государственной религиозно-философской доктрины, только временно уступая свое место то буддизму, то даосизму.

Если первоначально, во времена начала своей философской деятельности, Конфуций занимался изучением и систематизацией даосских знаний, которые были сконцентрированы в его трудах, таких как «И-Цзин» («Книга перемен»), то впоследствии у него появляется страсть к систематизации собственных этических и социальных учений. Ему всегда удавалось логически и избегая противоречий изложить свое нравственное учение в литературно-философском наследии прошлого – в «Ши-Цзин» («Книга Песен»).

Нам, этикам всегда лестно сравнивать и проводить различные – жизненные, философские, литературные – параллели между Конфуцием и Сократом. И действительно, при тщательном изучении наследия обоих великих мудрецов и моралистов мы найдем много схожего. Они оба живо интересовались и за-

нимались вопросами морали, оба, как известно, не оставили собственных письменных произведений. Все, что мы знаем об их учении – это поздние изложения их учеников и единомышленников.

Вместе у этих мудрецов мы найдем больше разногласий, чем общих этических оснований. Древнегреческий мудрец Сократ в основном стремился разбудить в сознании современников и своих учеников самостоятельные, независимые от устоявшихся мнений моральные оценки и критическое отношение к сложившимся еще в мифологемах догмам. Когда как его китайский визави Конфуций, наоборот, насаждал и цементировал определенные типы поведения и нормативные установки, сложившиеся в прежние времена. Эти четкие положения и сложились в некоторый образ и идеал поведения благородного мужа – «Цзюнь-цзы», к которому и должны стремиться все, кто хочет стать достойным членом общества – чиновником. Он по-своему интерпретирует правильный путь «дао» благородного мужа: он должен быть всегда и во всем человеколюбив, постоянно думает о следовании ритуалу, является искренним и почтительным в поступках с окружающими и постоянно обязан учиться. Благородный муж относится ко всем равно, одинаково, заимствует у них только хорошее и сближаясь только с лучшими, судит только самого себя, а не других.

Есть, конечно, некоторые параллели и с этическими устоями древнегреческих стоиков, киников, например, в вопросах соответствия слова и дела. Например, Конфуций говорит: «У людей с красивыми словами и притворными манерами мало человеколюбия». И в аскетизме, проповедуемом в обеих культурах и этических учениях мы найдем много общего. Обе философские системы боролись за утверждение самостоятельной и самодостаточной личности.

Но все эти соответствия заканчиваются тогда, когда мы углубляемся в изучении сути конфуцианства, особенно красноречивым станет это различие, когда мы рассмотрим «портрет» противоположный цзюнь-цзы: это низкий человек («сяо-жень»), неотёсан, предъявляет требования к другим, а не к себе, склонен к корысти и раздорам, постоянно ищет выгоду себе, находится вне политики. Правда, Конфуций считает все эти характеристики результатом нерадения индивида к самому себе. Он справедливо считает: «Человек скрывает свое сердце – его ни измерить, ни взвесить. Прекрасное и безобразное – всё таится в человеческом сердце, но цвета его не увидишь. Чем еще исчерпаешь его, кроме единственного — ритуала?» [1, с. 52].

Таким образом, основой всей моральной системы конфуцианства становится неукоснительное и безоговорочное следование ритуалу, почтительность к родителям, уважительность и почитание старших, выполнение долга, хорошее и равное отношение к окружающим. Проявление космического закона гармонии – дао – он видит во взаимности, как основополагающей основы человеческой жизни. Конфуций говорит: «Все в мире подчиняется одному – взаимности. Не делай другому того, чего не желаешь в себе» [2].

Тут мы также можем увидеть параллели с античной философией, которое приписывается Фалесу – одному из «Семи мудрецов». На вопрос о том, как прожить праведную жизнь, он ответил: «Если сами не будем делать того, в чем других упрекаем» [3, с. 103]. Впоследствии этот принцип станет так называемым «Золотым правилом нравственности. Кстати, на него ссылается и Сенека [4, с. 94]. Это вовсе не говорит о генетической связи между двумя интеллектуальными школами, но говорит, о том, что разум человеческий, особенно в области осознания

нравственных требований, развивался закономерно во всех философских системах и имел одни и те же социальные основания.

Многие положения учения Конфуция актуальны и сегодня. Наверное, именно по этой причине не пройдет насущность нравственных проблематик, поставленных древними этиками. В этом и есть сила нравственной философии.

Литература

[1] Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах [Ред. Л.В. Литвинова]. –М.: Мысль, 1973. Т. 2. –374 с.

[2] «Лунь Юй». 15, 23.

[3] Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. –М.: Мысль, 1989.

[4] Сенека. Письма Лукрецию.

А.Г. Пудов

ПРЕВРАЩЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ТЕРМИН «КЛАССИЧЕСКОЕ»

Нам представляется, что актуализация «проблемы классического» может вырасти на практической потребности определения последнего в рамках стремительной эволюции развития изобразительного искусства национальных регионов России в XX и начале XXI столетия. Так, профессиональное изобразительное искусство в Республике Саха (Якутия) насчитывает фактически 70-летнюю историю развития. Цифра относительно небольшая, однако спектр стилистических направлений смог отразить всю эволюцию истории развития европейского изобразительного искусства – от классики, до экспрессионизма и аб-

стракционизма. В связи с этим, в скором времени может возникнуть схожий проблемный узел, вставший, например, для французской художественной традиции в конце XIX столетия [1], инициированный процессами глобализации культуры, засилья феноменов масскульта, инициативой сохранить «большой стиль» профессионального якутского изобразительного искусства. В целом нужно отметить закономерность самоидентификации и определения региональными культурами всех этапов саморазвития, которые прошла европейская культура с учетом внесения региональных социокультурных особенностей, промодулировавших процесс.

Естественно, что для национального региона России будут ставиться свои локальные художественные задачи, но принципиальный момент, о котором уже сегодня мы можем догадываться, станет актуальным. Вполне возможно, что в ближайшее десятилетие возникнет горячая дискуссия о том, что есть профессиональная якутская художественная традиция, отражающая ее «большой стиль»? Данный вопрос имплицитно содержит в себе несколько методологических подвопросов, например, о способе внедрения вторичных символов сознания культуры этноса, на новом для данного этноса живописном языке, способе синтеза и кодирования / интерпретации универсального и локального (этнокультурного) символизма в произведениях якутских художников, способах интерпретации и функционирования указанных синтетических конгломератов [2] в современной культуре.

На наш взгляд, наиболее корректным и лаконичным способом методологического «прочитывания» проблемы классического в том или ином художественном процессе, будет апеллирование к возможностям способов рационализации, оперируемых в сциентистской культуре. Мы имеем в виду постановки

классического способа рационализации, выработанные в эпоху Нового времени рядом европейских философов как Рене Декарт, Готфрид Лейбниц и другими, примененными прежде всего в естественных науках, а также неклассические способы рационализации, отрефлексированные в связи со смещением субъект-объектных отношений [3] в неклассическом естествознании и на перспективу, постнеклассической рациональности. У критически настроенного читателя может возникнуть вопрос о правомерности использования допущений относительно сознания, заложенного в некоторых принципах естествознания. Здесь мы имеем в виду допущения, имплицитно содержащиеся в том или ином типе рациональности, четко представленного в основах эмпирического физического наблюдения. Есть ли корреляция между развитием изобразительного искусства в частности, с эволюцией типа естественнонаучной рациональности или картины мира? Является ли изменение рациональности эпохи формирующим элементом культуры или искусство в роли определенного разреза культуры подталкивает ученых и философов к формулировке четко отрефлексированных типов рациональности?

Нам представляется, что есть один важный аргумент, лежащий в основе проведения определенной линии изоморфизма эволюции стиля искусства и научной рациональности в национальных регионах России. Он лежит именно на уровне феномена наблюдения, который вполне изоморфен в изобразительном искусстве и большинстве классических схем наблюдения в науке. Изобразительное искусство – это прежде всего визуальное наблюдение, наполненное как рациональными, так и иррациональными схемами восприятия. Физика пример эталонной научной дисциплины – это наука для того, чтобы в мире «появился опыт» того или иного наблюдения.

В связи с этим, нам представляется, что исторически отрефлексированное «классическое в искусстве» является вариантом прочтения сквозь призму классической рационализации и объективации творчества художников. Данный вид рационализации подразумевает отсутствие акцентов на бессознательном художника, феноменологичности (в смысле феноменологии Э. Гуссерля), возможности объективации сознания и его тождественности по всем наблюдаемым топосам как творцов, так и созерцателей их произведений [3].

Парадоксально, но сегодня обыденно усматривать в философии и искусстве приятную духовную коммерцию. При этом остается не выполненным главное его предназначение, то самое важное прустовское – осуществить драгоценные открытия, успеть переварить то, что сразу же может ускользнуть – настоящая жизнь. В XX столетии подобную духовную сопряженность испытала философия в своем направлении под названием феноменология. Ее основатель – немецкий философ Эдмунд Гуссерль задался построить философию как строгую науку, не лишенную красок и запахов жизни. Ему удалось это сделать. Появилась новая техника, использующая понятия "феномена" и "впечатления".

Естественно, что философский феномен существовал всегда – и во времена Платона, и во времена Леонардо да Винчи, но как ни странно, он стал востребован в переломную эпоху – XX веке. Это столетие ознаменовано достижениями науки, искусства, кровопролитными войнами, техногенными катаклизмами. В эту эпоху стала явственно восприниматься реальная усложненность и многомерность сознания, ставшего восприимчивым к некоторым неклассическим проблемным ситуациям. Именно тогда человечество осознало недейственность классических установок, отождествляющих деятельность и рефлекс

сивно воспроизводимое сознание. Между ними выявился зазор, раскрываемый сложной техникой феноменологической редукции и интенциональности сознания, этому предшествовали марковские наработки об общественном сознании [4] и бытии, а также появление техники психоанализа З. Фрейда.

Эти, как будто разноудалённые от искусства философские направления находят сегодня живое единство в произведениях художников. Так ещё Леонардо да Винчи видел в картине художника "ментальную вещь" (феномен), способную влиять на наше сознание, наше самочувствие, создавать яркое впечатление. Если между произведением художника и зрителем возникают сопряженные связи, то произведение искусства воспринимается как философский феномен, как "вещь", которая живет в нас вещественно – заставляет меняться пульсу, изменяет давление, создает в сознании яркие образы и мысли.

Указанная рационализация может быть рассмотрена как метафизическая эпоха, индуцирующая конкретные варианты формотворчества художников и его восприятия обществом (агентами искусствознания). Присутствие стилистического разнообразия в рамках классического этапа в искусстве представляется, по нашему мнению, опытом наличия разных вариантов превращенных форм сознания в искусствоведении. Так «классицизм» может быть рассмотрен как вариант идеологической и сразу отобъясненной формы проявления национального в творчестве французской нации. Классицизм – может прочитываться вариантом отрефлексированности в культуре и идеологическое существование знаков – неких сращений в сознании, циркулирующих посредством СМИ в массовом сознании образов произведений искусств – их восприятость. (а восприятое как знак – и в культуре обозначенное – сразу после восприятости по Мамардашвили – умирает). Аналогичное можно перенести на со-

временную ситуацию использования стилистического термина в искусствоведении как «постмодернизм» на широкий культурологический контекст состояния постмодерна.

Классическое – это скорее идеологическое сращение метода в классической модели рациональности со способом конструирования действительности – его как раз там было мало. Истина там предполагалась как имеющая место в сознании художника и ее не нужно было завоевывать как уже в неклассическую эпоху, а лишь отразить в произведении искусства. Художник здесь в роли созерцателя готовых истин, устроенных христианским Богом.

Неклассическое искусство – скорее это работа художника в условиях разрушенной ментальности классической рациональности – здесь нет предданного мира с готовыми законами и истинами – их нужно творить и смыслы новой реальности обретаются по ходу нашего движения – творческого акта художника. Поэтому в постмодернизме – произведение художника становится возможной формой жизни.

Классическое – как вариант допущения в сознании обратимости мира, возможности по Мамардашвили [3] возвращения в любую точку устанавливающегося пространства мира, плюс фактор отчужденности от становления мира, от человека, здесь творить может только Бог.

В неклассическом искусстве, напротив, появляется модус времени – в виде становления смыслов, то есть их незаданность и отсутствие готовой истины, – она процесс, и ты сам как демиург (художник) можешь в этом участвовать. Но ведь до этого состояния еще нужно было дойти, эволюционировать. Подобная ситуация актуальна для современного якутского театра, где активно работают молодые режиссеры. Ярким примером заштам-

пированности в СМИ эстетической деятельности является работа режиссера театра и кино Сергея Станиславовича Потапова. Его работы и стиль часто относят к постмодернизму, дают образные сравнения-клише, например, сравнивают с стилистическим постмодернизмом Квентина Тарантино, определяя псевдоимиджем так – «якутский Тарантино». Вместе с тем, его творчество необходимо определять иначе, выявляя продуманную их творчество волну «этнокультурной региональности». Согласно наших исследований [5], его творчество вписывается в культурную парадигму этномодерна. В Якутии идет процесс культуры по «завоеванию» достижений европейского модерна, основанием для которого становится классическая рациональность со стройными концептами классических смыслов, завоевываемых символическим усилием. До постмодерна региональная культура, еще не утратившая концептуальность не деградировала, она лишь стала иронизировать над бесконцептуальным постмодернистским калейдоскопом глобальных трендов, не забывая символически завоевывать смыслы модерна.

Таким образом, движение от классики к модерну и постмодерну можно развернуть как смену моделей рационализации окружающего мира: от классической к неклассической и постнеклассической с уделением внимания к особенностям национального мировоззрения, так или иначе сказывающемся на продуктах эстетического творчества.

Литература

[1] Трусова П.А. Памятники античной архитектуры в пейзажах Мориса Дени конца XIX – начала XX века: в контексте дискуссии о классической традиции французского искусства // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2015. № 5. С. 703-710.

- [2] Мамардашвили М. К., Пятигорский, А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
- [3] Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994. – 90 с.
- [4] Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. №6. 1968. С.14-25.
- [5] Пудов А.Г. Идентификация продуктивной парадигмы художественной культуры Якутии // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 3. С. 251-262.

Н.К. Лотова

РОЛЬ И МЕСТО МОТИВАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТА

В проблематике исследования становления личности, рассмотрение вопросов мотивов и мотивации, в том числе и в педагогической науке, в последнее время становится актуальным: начиная от биологии, анатомии, психологии и заканчивая социологией, политологией, философией. В период развертывания постиндустриального – информационного общества, с усложнением практики производства, создания материальных и духовных ценностей, с изменением морально-нравственного, культурно-эстетического, политико-правового воспитания, повышения эффективного воздействия на сознание средств массовой информации, сетевых систем, все более становится востребованным исследование в данной области. Маркетинг и менеджмент, радио и телевидение, Интернет и зрелищные заведения – все требуют рассмотреть, что больше всего воздействует на ра-

зум человека, чтобы он больше покупал, смотрел, искал, просвещался.

Если в советское время большее внимание обращали на мотивацию трудовой деятельности, то в период распространения и насаждения психологии потребителя, на данный вид мотивов обращают все меньше внимания. Однако интерес к интеллектуальному труду, к когнитивной деятельности возрастает, особенно в среде родителей, школьных учителей и воспитателей детских садов. О том, что мотивационная область тесно связана с иными аспектами формирования личности, а именно: с потребностями индивида, его интересами, целями, воспитания воли, развития творческих возможностей еще больше актуализирует задачи исследователя.

Определение мотивов и мотивации является стержневой в психологии. Б.Ф Ломов (1927-1989) – советский психолог, выдающийся специалист в области общей и педагогической психологии, психологии познавательных процессов, разработчик инженерной психологии писал: «Трудность здесь состоит в том, что в мотивах и целях наиболее отчетливо проявляется системный характер психологического; они выступают как интегральные формы психического отражения. Откуда берутся и как возникают мотивы и цели индивидуальной деятельности? Что они собой представляют?» [5, с. 205]. В разное время данную проблему исследовали Асеев В.Г. [1], Аткинсон Дж.В. [2], Ковалев В.И. [4], Леонтьев А.Н. [6], Маслоу А. [7], Якобсон П.М. [8] и др.

Под познавательной деятельностью мы будем предусматривать все типы, виды и возможности получения нового знания. С точки зрения педагогической психологии, желание учиться, получать новые познания, умения, навыки, образовываться и просвещаться, сопровождает личность всю его сознательную

жизнь. Сегодня мы все больше говорим о необходимости непрерывного образования, когда человек на протяжении многих лет переучивается, повышает свою квалификации и наращивает свою компетенцию. Под мотивацией к учебной деятельности мы понимаем все аспекты и факторы, которые будут обуславливать образовательную активность личности: цели и установки, потребности и интересы, чувство долга и обязанность и т.д.

Американский шахматист, педагог-теоретик Г. Розенфельд выделяет следующие факторы, мотивирующие к обучению [9]:

а) обучение ради обучения (без удовольствия, без интереса к постигаемому предмету);

б) обучение, не предусматривающее личных интересов и выгоды;

в) обучение без социальной идентификации;

г) обучение ради успеха или из-за боязни потерпеть неудачу;

д) обучение по принуждению;

е) обучение, основанное на моральных обязательствах или общественных нормах;

ж) обучение для достижение своей цели в обыденной жизни;

з) обучение, исходящее из социальных целей и задач, требований и ценностей.

Надо отметить, что в период становления личности, когда он только начинает постигать природную и социальную реальность, у него проявляется наибольшая степень живого интереса к обучению, маленький человек проявляет колоссальную активность в познании окружающей среды. В этот период самое главное не погасить этот огонек, поддерживать его всеми силами, чтобы ребенок не утратил свое желание постичь непознанное, понять непонятное. Так называемый демократический

стиль в педагогике способствует интенсификации мотивов и мотивации – именно эта методика позволяет человеку постоянно учиться и поддерживает основной лозунг: «Учись учиться».

Надо сказать, что современный либеральный метод, который распространяется в российских школах с подачи западной системы образования, кардинально отличается от демократического, так как этот, во многом, популистский стиль снижает саму мотивацию к процессу обучения, а формирует мотив к «надежде на успех» [3, с. 264].

Современные абитуриенты отличаются от тех, кто хотел поступать в вузы в советский период. Выбор, остается не за самим выпускником средней школы, явно не за общественными интересами, а, зачастую, за решением родителей или старших родственников. Этот тип инфантильности в сфере выбора своей будущей профессии впоследствии выливаются в личные драмы для становящейся личности, который без всякого личного интереса начинает постигать профессию, которая со временем станет ненавистной.

Знаменитый социолог современности М. Вебер выделил два основных типа социального действия, который соотносим с поведением вчерашнего школьника при поступлении в вуз: ценностно-рациональное и целе-рациональное действие. На наш взгляд, человек в 17 лет еще не совсем представляет, кем он хочет быть: слишком сложными по своей структуре, слишком протяженным во времени и пространстве, слишком многофакторным представляется выбор профессии. Конечно, в данной ситуации большую роль играют традиционные мотивационные факторы, например, профессия родителей, людей, являющихся авторитетами для абитуриента: в таком случае поступление в вуз есть продолжение семейных традиций или осуществление давних мечтаний и идеалов выпускника.

Таким образом, можно сказать, что поступление в учебное заведение, выбор вуза, должно формироваться из факторов и компонентов ценностно-рационального и целе-рационального типа поведения.

Студенчество отличается динамичностью и характеризуется как самая энергичная часть социума, которая всегда выступает авангардом и инициатором креативного и инновационного действия в обществе. Процесс получения знания, постижение профессиональных умений и навыков будущего специалиста во многом зависит от мотивационных составляющих студента. Во многом, учебное поведение зависит от уровня духовной культуры обучающегося. Притом учебное поведение не всего урегулировано установленными нормами и образцами; более того, высоко оценивается не сколько предсказуемый и регламентированный стиль поведения, а сколько поливариантное, не всегда предсказуемое решение, которое будет принято студентом. В основе его поведения будет лежать индивидуальные ментальные потребности индивида и те ценностные ориентации, которые сложились на предшествующих этапах становления личности.

Вот почему интерес к мотивации учебного поведения можно объяснить не только целями работы, а закономерной связи учебной деятельности со всем многогранным богатством внутреннего мира будущего специалиста. Человек учится не потому что есть вузы, куда можно поступить, в потому что они хотят этого, какими бы факторами это ни было продиктовано. Учебная мотивация – это объективно возникающая в ходе развития социогенеза система противоречивых потребностей, самых разных интересов, неоднородных мотивов, разносторонних целей и норм, которые ориентированы на воспроизводство системы

воспитания и образования, освоения индивидом социальных знаний, умений и навыков.

Литература

- [1] Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [отв. ред. д. псих. н. Ю.М. Забродин, д. филос. н. Е.В. Шорохова]. –М.: Наука, 1984. –448 с.
- [2] Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: «Мысль», 1976. –158 с.
- [3] Аткинсон Дж.В. Теория о развитии мотивации. – Н.Новгород: НОРМА, 2003. –256 с.
- [4] Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1988. –192 с.
- [5] Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции: Конспект лекций / Кафедра общ. психологии. –М.: Изд-во МГУ, 1971. –38 с.
- [6] Маслоу А. Мотивация и личность [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. -3-е изд. –СПб.: Питер 2013. –351 с.
- [7] Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. –М.: Просвещение, 1969. –316 с.
- [8] Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. –СПб.: Питер, 2006. –512 с.
- [9] Rosenfeld G. Theorie und Praxis der Lernmotivation. –Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1973. –216 p.

Н.Н. Равочкин, Н.С. Корабельников

РОЛЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ЭМПИРИЗМА И РАЦИОНАЛИЗМА В ПРОЦЕССАХ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Сегодня внимание интеллектуалов к философии обосновывается, прежде всего, тем, что она выступает формой не только теоретического, но и прикладного освоения действительности, что существенно расширяет ее проблемно-предметное поле. Также отметим, что в части организации методологии познавательной деятельности философия предлагает дополнять аппарат конкретно-научных и междисциплинарных исследований и строить дифференцированные модели их развития. Здесь следует обратить внимание на эвристическую функцию философии касаясь познавательного процесса. Дело в том, что ее роль становится наиболее заметной при разработке новых научных теорий, но более всего – при создании синтетических оснований. Это в очередной раз подтверждает, что именно философия на том или ином временном периоде детерминирует научные курсы, делая более ясным для занятых в них специалистов понимание возможностей и перспектив, а также задавая ориентиры и схемы их развития.

Философия основывается на теоретико-рефлексивном и духовно-практическом отношении субъекта к объекту. Она может оказывать воздействие на интересующий нас объект, которым является социальное бытие, посредством, например, формирования, обоснование, артикуляцию и актуализацию определенных идеалов, норм и культурных ценностей. Конкретизируя нашу проблемно-предметную область, отметим также, что философские идеи, характеризуемые нами как «многогранные»,

лежат в основе разрабатываемой тематики политико-правовых явлений. Не будет лишним напомнить, что у каждой философской позиции есть свои преимущества, но и у каждой имеются некоторые недостатки. На практике интеллектуалы, занятые разработками тех или иных разделов обозначенных наук, как правило, склонны создавать идейные модификации и конфигурации, обращаясь, по их убеждениям, к преимуществам тех или иных позиций для (раз)решения определенных проблем. Такие создаваемые конструкты мыслительной деятельности подчеркивают скорее подтверждение адекватности сочетания имеющихся инструментов познания, чем их открытие, но вполне могут быть применимы и к последнему.

Установленный ранее факт появления современных нам политико-правовых феноменов в эпоху Нового времени задает императив проведения социально-философского анализа данного периода [7]. И хотя термин «Новое время» включен в научный лексикон, его употребление имеет свойства ряд условностей, связанной со сложностями при построении образа истории, периодизации, выявлении характерных черт и т.д. [6]. И все же мало кто не согласится, что для эпохи Нового времени характерны появление национальных европейских государств, социально-экономический бум в развитии которых позволил им в последующем осуществить реальную мировую экспансию.

В социально-культурном контексте Нового времени достаточно ярко проступают черты буржуа, являющихся, по сути, наиболее яркой стратой, которая, к тому же, соответствовала духу времени. Особенности данного слоя заключались в освобождении от влияния европейского феодализма экономической, политической и духовной сфер общественной жизни. И если мыслители эпохи Возрождения ещё не до конца осознавали, что «позднесредневековое мышление» является препятствием для

развития науки и могущества человека, то вполне закономерно отсутствие развернутой критики схоластических построений. А вот уже в работах философов Нового времени она представлена с переизбытком.

Что же касается собственно философии Нового времени, то её становление было связано с критикой средневековой схоластики и стремлением как раз к прикладному решению задач, позволяющих удовлетворить стремительно возникающие и изменяющиеся потребности общественного праксиса. Они рассматривают схоластику как бесплодное, оторванное от реальной жизни и практики спекулятивное мудрствование, подкреплённое исключительно авторитетом религиозных образований. И если в Средние века вера господствовала над рациональностью, то именно сейчас она выходит на передний план, отодвигая иррационализм «в тень» на некоторое время. Разум, бывший прежде «орудием» богословия, переходит теперь к учёным, став реальным инструментом осуществления достоверного познания природы и общества, что предопределило разработки методологических проблем для адекватной организации процедур научного познания.

Наука, понимаемая как систематизированный опыт и целенаправленное исследование с последующим представлением законов природы и общества, была известна ещё в Античности. Однако под авторитетом философии, предписавшей созерцательную и умозрительную природу для этой деятельности, связи древней (или, как еще говорят, «доклассической») науки с практикой были выражены крайне слабо. В свою очередь нововременная наука с самого начала и кардинальным образом отличается от доклассической нацеленностью на открытие объективных законов и последующим практическим использованием получаемых результатов, главным образом, в экономических

интересах. От науки Нового времени теперь требовалось не удовлетворения потребности в признании мыслителя или прославления мудрости творца¹, но актуализировалось служение общественной пользе, что предопределяет ее инструментальный характер. Большинство мыслителей отдают приоритет разуму перед верой и науке, соответственно, перед религией. При этом их интересы лежат преимущественно в области теории познания, логики и методологии науки, хотя в решении возникавших проблем они следуют одной из двух методологических стратегий, которые вошли в историю философской мысли как «эмпиризм» и «рационализм» [5, с. 280-281].

Динамике своего развития научная сфера Нового времени в XVI-XVII столетиях обязана центрам урбанизации и экономического роста – Англии, Нидерландам, Франции, а позднее – и другим европейским государствам, а также США. Стремясь постичь реальность, наука опирается на чувственное познание, обращение к которому происходит ещё эпоху Возрождения. Результатом эмпирических исследований стал бурный рост фактических данных в различных областях как человеческой жизнедеятельности, что прорисовывает контуры современной сущности науки. Развитие познавательной деятельности происходило в связи с тенденциями к освоению не отдельных фактов, но их целостных систем. Обращение интеллектуалов к вопросу о сущности и характере процесса познания привело к гносеологической ориентации, так называемому «гносеологическому повороту», который произошел в новоевропейской философии. Но ориентацией на чувственную сторону познания, как и практической пользой науки, характерные проявления гносеологическо-

¹ Между тем, в эпоху Средневековья подобными практиками прославления занималась даже зоология, которая содействовала спасению человеческой души, представляя животных как воплощение нравственных пороков.

го поворота в нововременной философии не исчерпываются. Европейская интеллектуальная мысль также стремилась к созданию целостной картины мира, которая бы опиралась опирающейся на данные наук. Также возникла некоторая проблема, которая касалась соотношения эмпирического и теоретического (рационалистского, связанного с использованием рассуждений и других средств преобразования имеющегося знания), которая вплоть до наших дней входит в число важнейших.

Итак, философскую программу новоевропейского эмпиризма принято связывать с именем английского мыслителя и экс-государственного деятеля Френсиса Бэкона. Его главные идеи были связаны с реформированием существующего на текущем этапе знания, руководствуясь основами создаваемой им новой познавательной линии, а также нового формировании соответствующей методологии. Уже в своей первой работе Бэкон не только занимается не просто тем, что прославляет знание, но и высказывает резонную мысль о необходимости его усовершенствования. Проект реформы существующего знания, состояние которого справедливо маркировать (пост)кризисным, Ф. Бэкон разрабатывает в своем главном труде «Великое восстановление наук», вторая часть которого выходит под названием «Новый Органон» [2]. Идея заявленного «восстановления», фактически ставшая для английского эмпирика «делом всей жизни», может быть сведена к трём пунктам: (1) обоснование того, что наука представляет собой высший и наиболее достойный род деятельности человека; (2) необходимость проведения коренного преобразования всего человеческого знания, которое может быть выполнено только совместными усилиями не только современников, но и представителей будущих поколений; (3) закладка основ «нового знания», а также разработка плана «построения всего здания» новой науки.

Переформулировав истинную цель науки, Бэкон обращает внимание, что она сосредоточена не на какой-то абстрактной пользе, но на увеличении могущества людей. Анализ его взглядов, позволяет связать обусловленность такого видение предназначения познавательных практик с незнанием причин, затрудняющих действия и деятельность людей. Отсюда следует тождество в паре «знание – могущество». Тем не менее, каким же именно должно быть знание, чтобы гарантировать эффективность действий человека? По бэконовским убеждениям, знание должно отражать вещи по принципу «таких, каковы они есть на самом деле». Однако кризисная природа современных ему наук не позволяет реализовывать такой вариант своего предназначения, поскольку в течение столетий в них попросту не происходило приращения знания. Причины такой «заброшенности» наук Бэкон видит в стихийности, свойственной процессам познания, а также в незнании философов потенциала познавательных способностей человека.

Ф. Бэкон указывал на неоправданность руководства прежней логикой в качестве правил для организации и проведения научных исследований. Это связывается с тем, что разум оказывается подобен чувствам, привнося многое от себя, к примеру, в аспекте создания суждений о тех или иных объектах. К слову, выделяемый Бэконом «стихийный разум» никаким образом не предполагает о своём фактическом «нахождении в плену» у конкретных «идолов» («призраков»); в тот же момент, так называемый «бесконтрольный разум» практически всегда и достаточно быстро абстрагируется от чувственных данных и, тем самым, выходит на уровень самых предельных суждений [1;2;5;8].

Общеизвестно, что Бэкон выделяет четыре рода ментальных ловушек-зablуждений, среди которых: «идолы рода» (сопряжены с

особенностями самой природы человека), «идолы пещеры» (их генезис связан с индивидуальными особенностями людей), «идолы рынка» (появляются по причине неверного использования речи и слов) и «идолы театра» (ввиду приверженности авторитетным теориям). Идолы первого и второго типа являются врождёнными и не могут быть устранены, а остальные две разновидности идолов могут подавляться, но, правда, с большим трудом. Освободить от заблуждений можно не сам ум, а лишь знания. Средством очищения знаний в контексте чувственной стратегии будет являться эксперимент, а для умственной в качестве таковой будет новая логика [8, с. 505-508].

Отсюда следует, учение Ф. Бэкона представляет собой качественно новую философскую систему, став идейным наследием, во многом определившим будущий, в том числе и современный нам интеллектуальный дискурс. Основная заслуга бэконовских теоретических построений заключается в том, что наука в них впервые рассматривается как общечеловеческая ценность. Более того, она возводится им в наивысшую степень, а именно – обретает статус созидающей силы, напрямую способствующей благополучной и достойной жизни людей. Продолжая свои рассуждения, отметим, что этот английский мыслитель также заложил фундамент для современной гносеологии и де факто стал первый формулировать для нее целый комплекс новых задач и проблем. Поскольку задачи, следующие из его учения, станут основными для решения, вполне приемлема идейная рецепция его взглядов. Особенно полезным эмпиризм оказывается для появляющихся в XX столетии технологий по манипулированию сознанием и прикладному анализу не только социально-психологических способов осуществления властной деятельности, но и образования конкретных аксиосфер.

В методологической оппозиции Бэкону находится французский аристократ Рене Декарт со своей стратегией рационализма, основания которого заложены им всего в двух работах: «Метафизические размышления» и «Начала философии» [3]. Решая проблему по различию истинного от ложного, Декарт приходит к выводам, что в повседневных рассуждениях достаточно пользоваться предположениями, а также, что нет никакого надёжного критерия истины, на который можно было бы опереться. Философию Р. Декарта, о котором мы достаточно подробно говорили в первой части настоящей статьи, целесообразно представить здесь в виде нескольких положений. Во-первых, при поиске истины можно доверять только разуму. Во-вторых, необходимо отвергнуть всё прежнее знание, а на его место поставить полученное новое или, в крайнем случае, проверенное разумом старое. Далее: разум у всех людей одинаков от природы. И, наконец, для постижения истины необходимо обладать «правильным» методом. Столкнувшись с последней задачей, Декарт создает следующие фундаментальные правила своей рационалистической методологии: (1) принимать за истинное только такое знание, которое не вызывает и малейшего повода для сомнений; (2) раскладывать сложные проблемы на простые элементы; (3) из простых элементов следует выстраивать строгую последовательность; (4) составлять самые полные перечни простых элементов [1].

Систему совершенного знания следует выводить из первых начал, удовлетворяющих двум условиям. Первое из них сообщает, что сами эти начала должны являться настолько ясными и очевидными. При таком положении дел в их истинности будет попросту невозможно усомниться. Второе условие подразумевает, что эти начала должны быть получены без остального знания, которое не может быть получено без них. Абстрагируясь фактически от всего возможного, в чём можно усомниться, индивид допус-

кает, что нет ни Бога, ни неба, ни земли и ни даже собственного тела. Однако совершенно невозможно предположить, что он не существует, поскольку именно субъект сомневается в истинности всего. Ведь «сомневаться» суть тождественно «мыслить», а это указывает на абсурдность мнения о «несуществующем» субъекте, который мыслит. Приобретая свободу в части возможности отклонений всяких заключения, человек выводит самое достоверное заключение: «Я мыслю, следовательно, я существую». Истина этого вывода достигается и за счет предельной простоты и самоочевидности, являясь фундаментом всего декартовского методического сомнения [4].

Итак, проанализированные нами исследовательские программы, появившиеся в рассматриваемую эпоху, фундируют новые основания науки и предлагают качественно иные идеи, которые напрямую детерминируют социальные преобразования, тем самым, во многом определяя характер общественного развития. Став отныне открытым и опытно проверяемым, научное знание приобретает доступность для широких слоев населения. Преодоление герметичности и элитарности знания сделало нововременную науку соответствующей принципам рациональности, в основе которой лежат такие принципы, как «полезность» и «целесообразность». Новые реалии открывают для индивидов огромное пространство для социального конструирования адекватных изменяющемуся порядку институтов на основе переоценки авторитетов, идеалов и ценностей.

В условиях нарастания процессов демократизации, начавшихся в эпоху Нового времени, и продолжающихся в условиях современного нам мира, происходит поиск оптимальных путей дальнейшего совершенствования общества, становления цивилизованных властных институтов и отношений. Развитие науч-

ных представлений о государстве и праве в эволюционном ключе предполагает углубление общетеоретических оснований науки, выход в сферу масштабных обобщений, а также детализацию содержания и углубление научного осмысления каждого из ее разделов и тщательное исследование исторического материала национальных государств.

В завершение настоящей работы подчеркнем, что при социально-философском осмыслении контекста Нового времени можно отметить две основные программы. Первая из них акцентирует внимание на опытном варианте постижения мира, которая в последующем через повторяющиеся практики развертывается в различные формы институционального устройства. Вторая программа сосредоточена на формировании «человека рационального», что перенесется на содержание конкретного типа осуществления власти. И если для конкретных социогуманитарных наук еще можно найти ответ, последователем какой стратегии можно являться, то философские исследования должны учитывать сильные стороны обоих подходов ввиду невозможности получения целостных представлений о тех или иных процессах и/или явлениях.

Более того, данные программы устанавливают связь между новым типом складывающегося общества и статуса науки в нем, которую представители новоевропейской философии «приводили в порядок» как раз через преодоление разрыва средневековых теорий и реальности. В результате именно с эпохи Нового времени начинается оформление огромного количества социальных теорий, в которых на основе совершенства средств научных исследований произошло бы формирование прагматического и утилитаристского институционального общественного устройства. Таким образом, обнаруживается тесная связь рассмотренных исследовательских программ Нового

времени и их ориентированием на построение рационального устроенного общества с практическими потребностями индивидов и социальных групп. Кристаллизация нововременных философских идей, ориентированных на достоверность познания, актуальна при разработке всего множества социальных теорий, поскольку институты проектируются в зависимости от контекста. Последнее становится возможным через детализацию и конкретизацию различных научных представлений в их связи с трансформациями и нацеленностью властей на эволюционное развитие политико-правовых институтов в ситуации утраты прежней системы аксиологических модусов, которые определяли жизнь многих предыдущих поколений, а также ввиду отсутствия стабильной обновленной мировоззренческой парадигмы.

Литература:

- [1] Аблеев С. Р. История мировой философии. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 318 с.
- [2] Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2 / сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина. — М.: Мысль, 1978. — С. 5-482.
- [3] Декарт Р. Избранные произведения / пер. с франц. и лат., ред. и вступ. статья В. В. Соколова. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. — С. 319-544.
- [4] Дмитриев Т.А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта: монография. — ИФ РАН, 2007 - 232 с.
- [5] Мареев С.Н., Мареева Е.В. История философии (общий курс). — М.: Академический Проект, 2004. — 880 с.
- [6] Порхачев В.Н., Порхачева Л.В. Образ истории через множественность моделей исторического развития // В сборнике: Актуальные проблемы современного гуманитарного знания мате-

риалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. ФГБОУ ВО «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет)». – 2017. – С. 78-80.

[7] Равочкин Н.Н. Институт как объект социально-философского анализа // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 8. – С. 109-113.

[8] Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 2-е изд., испр. / подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – С. 505-508.

АННОТАЦИИ ABSTRACT

УДК 130.2

П.Н. Жондоров, В.В. Михайлов

Универсалии культуры «пространство» и «время»

Взаимодействие людей основывается на том общем, что их объединяет. Нормы, ценности, регулятивы могут быть и универсальными для культур – независимо от регионов их развития и от времени их существования. В предлагаемом тексте предпринята попытка осмысления таких культурных универсалий как «пространство» и «время» в качестве факторов формирования этнической идентичности. Авторы рассматривают представленность универсалий «пространство» и «время» в культуре народа саха/якутов. При этом следует учитывать, что культура как сложный, неоднозначный феномен, как очень широкое, общее понятие, породила множество определений. Очень распространено такое определение, согласно которому под культурой понимается все рукотворное, искусственное, чему противопоставляется все природное, естественное, не обязанное своим возникновением человеческой деятельности.

Ключевые слова: время, культура, норма, пространство, универсалии, ценности, якуты (саха).

P.N. Zhondorov, V.V. Mikhailova

Universalialia of culture "space" and "time"

Interaction of people is based on the common thing that will unite them. Norms, values, regulators can also be universal for cultures - regardless of their regions of development and their time of existence. The proposed text attempted to reflect on cultural universalities such as "space" and "time" as factors in the formation of ethnic identity. The authors consider the representation of universalialia

"space" and "time" in the culture of the Saha/Yakut people. At the same time, it should be borne in mind that culture as a complex, ambiguous phenomenon, as a very broad, general concept, has given rise to many definitions. Such definition according to which culture is understood as all man-made, artificial what it is opposed all natural to, natural, not obliged by the emergence of human activity is very widespread.

Key words: time, culture, norm, space, universalia, values, yakuts (saha).

УДК: 17.023.6

В.П. Старостин

Конфуций и античная философия

Философы и историки философии этих двух величайших философов: Конфуция и Сократа. Действительно, по масштабу своих философских воззрений, по значимости и влиянию на все дальнейшее развитие эти фигуры не уступают друг другу ни в чем. Древнегреческий философ и учитель китайской нации подняли на философский уровень жизненную проблематику: как преодолеть беззаконие и несправедливость в человеческом обществе? Каким должно быть гармоничное общественное устройство и миропорядок? Но насколько оправдано наше сравнение этих мудрецов, живших в разных пространственных и социальных измерениях? Этим вопросом задается автор и приходит к выводу, что актуальность поставленных великими моралистами вопросов во многом связывает философии этих мудрецов.

Ключевые слова: античная философия, Древняя Греция, Древний Китай, Конфуций, мораль, Сократ, философия, этика.

V.P. Starostin

Confucius and ancient philosophy

The ancient Greek philosopher and teacher of the Chinese nation raised to the philosophical level life issues: how to overcome lawlessness and injustice in the human community? Should there be a harmonious social structure and a world order? But how justified is our comparison of these wise men who lived in different pro-human and social dimensions? This question is asked by the author and concludes that the relevance of the questions posed by the great moralists is in many ways related to the philosophies of these wise men.

Keywords: ancient philosophy, ancient Greece, ancient China, Confucius, morality, Socrates, philosophy, ethics.

УДК: 130.2

А.Г. Пудов

Превращение классической рационализации в искусствоведческий термин «классическое»

Движение региональной культуры национального региона от классики к неклассике можно развернуть как смену моделей рационализации окружающего мира: от классической к неклассической и постнеклассической, перенятой в модели рациональности естествознания, с уделением внимания к особенностям национального мировоззрения, так или иначе сказывающимся на продуктах эстетического творчества.

Ключевые слова: классическая рациональность, модерн, этномодерн, постмодернизм, Якутия, театральное и изобразительное искусство.

A.G. Pudov

Turning classical rationalization into art criticism term "classical"

The movement of the regional culture of the national region from classic to non-classical can be developed as a change of models of rationalization of the surrounding world: from classical to non-classical and post-classical, adopted in the model of rationality of natural science, with attention to the peculiarities of the national world view, which in one way or another affects the products of aesthetic creativity.

Key words: classical rationality, modern, ethnomodern, post-modernism, Yakutia, theatre and fine arts.

УДК: 378.14; 159.947.5

Н.К. Лотова

Роль и место мотивации в деятельности студента

В данной статье автор рассматривает мотивы и мотивации студентов к учебной деятельности, а также те побудительные причины, по которым абитуриенты выбирают свою будущую профессию. Автор проводит сравнительный анализ с советским периодом, когда данная мотивация была напрямую связана с политической, экономической, социальной и духовной жизнью страны и, поэтому, была более общественно оправдана. Делается вывод, что интерес к мотивации объясняется многогранностью мира современного специалиста и объективными причинами развития социогенеза в постиндустриальную эпоху.

Ключевые слова: выбор профессии, мотивация, мотивы, познавательная деятельность, учебная деятельность студента.

N.K. Lotova

Role and place of motivation in student activity

In this article, the author considers the motivations and motivations of students for educational activities, as well as the motivations why applicants choose their future profession. The author makes a comparative analysis with the Soviet period, when this motivation was directly related to the political, economic, social and spiritual life of the country and, therefore, was more socially justified. It is concluded that the interest in motivation is due to the multifaceted world of the modern specialist and the objective reasons for the development of sociogenesis in the post-industrial era.

Key words: choice of profession, motivation, motives, cognitive activity, educational activity of a student.

УДК: 1(091):316

Н.Н. Равочкин, Н.С. Корабельников

Роль методологических программ эмпиризма и рационализма в процессах обновления политико-правовых институтов

В настоящей статье авторы рассматривают появившиеся в Новое время гносеологические программы эмпиризма и рационализма в связи с процессами институциональных трансформаций. Показано, что философия сегодня является теоретико-прикладной формой освоения и, следовательно, преобразования мира. Отмечается, что развитие науки в эпоху Нового времени дает надежный инструментарий не только для «подчинения» природы, но и организации социального порядка, ключевым элементом которого являются институты. Рассмотрены заявленные в названии статьи методологические программы. Установлено, что эмпиризм сосредоточивается на опытном постижении мира, который посредством повторяющихся практик раз-

вертывается в множество вариантов общественного устройства. Рационализм видел свою цель в формировании мыслящего и думающего человека, транслируя разум на содержание конкретных типов осуществления власти.

Ключевые слова: Новое время, общество, институт, политика, право, эмпиризм, рационализм, методология.

N.N. Ravochkin, N.S. Korabelnikov

Empirism and rationalism methodological programs role in political and legal institutions renovation processes

In this article, the authors consider the epistemological programs of empiricism and rationalism that appeared in modern times in connection with the processes of institutional transformations. It is shown that philosophy today is a theoretical and applied form of development and, consequently, the transformation of the world. It is noted that the development of science in the era of the New Age provides reliable tools not only for the "subordination" of nature, but also for the organization of the social order, the key element of which is institutions. Methodological programs declared in the title of the article are considered. It has been established that empiricism focuses on the experimental comprehension of the world, which, through repetitive practices, is deployed in many variants of social structure. Rationalism saw its goal in the formation of a thinking and thinking person, transmitting the mind to the content of specific types of exercise of power.

Keywords: New time, society, institute, politics, law, empiricism, rationalism, methodology.

ОБ АВТОРАХ

Жондоров Петр Николаевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин экономического факультета Якутской госсельхозакадемии, кандидат философских наук, г. Якутск, РФ. E-mail: jondpetr@mail.ru.

Корабельников Никита Сергеевич – студент лечебного факультета Кемеровского государственного медицинского института, г. Кемерово, РФ, E-mail: nsk-valet@bk.ru.

Лотова Надежда Константиновна – заведующая кафедрой социально-экономических наук Якутской госсельхозакадемии, профессор Российской академии естествознания, кандидат педагогических наук, г. Якутск, РФ. E-mail: n_lotova@mail.ru

Михайлова Виктория Власьевна – доцент кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, руководитель Лаборатории гражданского общества, кандидат философских наук, г. Якутск, РФ. E-mail: michvv@mail.ru.

Пудов Алексей Григорьевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин экономического факультета Якутской госсельхозакадемии, г. Якутск, РФ, кандидат философских наук. E-mail: agro-on-line@yandex.ru.

Равочкин Никита Николаевич – доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской госсельхозакадемии, кандидат философских наук, г. Кемерово, РФ. E-mail: nickravochkin@mail.ru.

Старостин Владимир Петрович – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин экономического факультета Якутской госсельхозакадемии, кандидат философских наук, профессор Российской академии естествознания, г. Якутск, РФ. E-mail: starost@list.ru.

ЯКУТСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (6)

2020

Научный журнал

В оформлении использованы:

эскиз Леонардо да Винчи и рисунок М.Г. Старостина.

Ответственный редактор: З.С. Васильева.

Подписано в печать: 10.01.2020 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 2,7. Тираж 200 экз. Заказ № 041.

Оригинал-макет изготовлен в ЯРО РГО.

Компьютерный набор авторов.

Издательство ЯРО РГО.

Адрес: 677007 г. Якутск, 3 км. Сергеляхского шоссе, д. 3/1.

Полную информацию о нашем издании, правилах и условиях публикации см. на сайте: yktphilos.esrae.ru.